

БЕЗУПРЕЧНЫЙ ИЛИ ДОБРОТНЫЙ, НО БЕЗЛИКИЙ?..

Под таким заголовком журнал «Тайм» опубликовал недавно материал о судьбе одного из самых ярких симфонических коллективов мира — оркестре Берлинской филармонии, долгие годы руководимом выдающимся дирижером Гербертом фон Караяном. Мы перепечатываем эти заметки с незначительными сокращениями.

Когда в прошлом году в возрасте 81 года умер Герберт фон Караян, фраза о том, что с его смертью окончилась целая эра, стала штампом. И все же это правда. Караян руководил своим августейшим оркестром — оркестром Берлинской филармонии, пожизненным дирижером которого он стал в 1955 году, — с помощью блестящего слуха и железного кулака. Он был сердцем и душой Зальцбургского фестиваля, проводимого в его родном городе в Австрии. По количеству проданных пластинок с записями своего оркестра он впереди любого другого дирижера. Компания звукозаписи «Дейче граммофон», с которой он сотрудничал с конца 30-х годов, сделала состояние на нем одном.

Караян был также техническим новатором, с самого начала поддерживавшим идею компакт-диска и незадолго до смерти записавшим на лазерные видеодиски за свой счет около 45 оркестровых и хоровых работ, которыми он руководил. Добавьте к этому внешние, немусикальные, атрибуты жизни Караяна — три жены, две дочери, скоростные автомобили, яхту и частный самолет, — и неизбежно вырисовывается байроновский тип. Даже в его внезапной, неожиданной смерти, случившейся всего через несколько месяцев после резкого ухода из филармонии в апреле 1989-го, было что-то театральное.

В октябре прошлого года преемником Караяна был избран Клаудио Аббадо, который встал у руля того, что многие называют лучшим оркестром мира. Без сомнения, оркестр Берлинской филармонии в надежных руках — по крайней мере в артистическом смысле. Аббадо 56 лет. Он волнующий, чуткий, добившийся успехов музыкант, репертуар которого богаче, чем у Караяна. «Раздваиваясь» в своем амплуа на лидера Берлинского филармонического оркестра и дирижера Венской государственной оперы, Аббадо, похоже, становится такой же влиятельной фигурой, какой был Караян в 60-е годы, когда в честь всех одновременно занимаемых им постов ему был пожалован титул генерального музыкального директора Европы. С учетом того, что сфера музыки сейчас пестрит именами таких дарований, как Лорин Маазель, Джеймс Левайн, Риккардо Мути, выбор Аббадо представляется мудрым решением.

Однако не следует заблуждаться: Берлинский филармонический оркестр уже не будет тем, чем был раньше. Во-первых, его уникальные любовно-ненавидящие отношения с Караяном (ближе к концу это была скорее ненависть, чем любовь) вряд ли повторятся с менее энергичным Аббадо. А, во-вторых, приличные «левые» доходы, которые руководимый и покровительствуемый Караяном оркестр получал от студийных записей, концертов в Зальцбурге и всемирных турне, должны, вероятно, сократиться. Наконец, как следствие объединения Берлина, оркестру начнут состав-

лять конкуренцию в плане зрительского внимания — а также муниципальных доходов — некоторые наиболее выдающиеся музыкальные коллективы Восточного Берлина, среди которых Немецкая государственная опера и «Комише опер».

За 108-летнюю историю оркестра им руководили всего пять главных дирижеров: Ханс фон Бюлов, Артур Никиш, Вильгельм Фуртвенглер, Караян и теперь Аббадо. Такая стабильность во многом способствовала музыкальной доблести оркестра. Каждый из первых четверых строил работу, основываясь на наследии своего предшественника, что особенно ярко выразилось в репертуаре коллектива, бывшего всегда почти исключительно центральноевропейским. Однако родившийся в Италии Аббадо, великий оперный дирижер, возглавляющий также «Вьен-модерн» — серию новомюзикальных концертов в Вене, выпадает из австрогерманских традиций. Вполне вероятно, что он познакомит Берлин со многими новыми работами и принесет с собой столь долгожданную свежую перспективу. Вопрос только в том, сохранит ли оркестр Берлинской филармонии свою репутацию безупречного исполнителя музыки Бетховена, Брукнера и Малера или же преобразуется в еще один добротный, но в целом безликий еврооркестр.

Да и щедрость «Дейче граммофон» вряд ли останется на том же уровне. Все эти годы в основном благодаря имени Караяна, а не его оркестра пластинки, кассеты и компакт-диски с маркой «Оркестр под управлением Караяна» буквально сметались с полок магазинов. Берлинский филармонический — это в действительности два оркестра: публичный, который состоит из содержания города и дает концерты в здании филармонии — уродливом, с желтыми стенами концертном зале, построенном в стиле «60-е годы — модерн» и расположенном около Тиргартена, — и частный, который получает денежные премии за выгодные в финансовом отношении записи, турне и поездки. Студийные записи Караяна раскупались одинаково хорошо и в его бытность дирижером оркестра Венской филармонии, и когда он возглавлял Парижский оркестр, и когда стал руководить Дрезденским государственным оркестром. В то же время продажа пластинок берлинских музыкантов под управлением других маэстро редко достигала того же уровня. «Ближе к концу, когда они уже смотрели на Караяна как на немощного старика, они, стали считать себя важнее, чем он, — говорит сотрудник американского филиала «Дейче граммофон». — Теперь им предстоит узнать, как они грубо ошибались».

Что-то вроде упрямой гордости давно стало характерной чертой оркестра Берлинской филармонии. Как-то восточные немцы предложили провести в Западном Берлине очное оперное сравнение Берлинского филармонического с «Дейче опер», однако их западные коллеги, да-

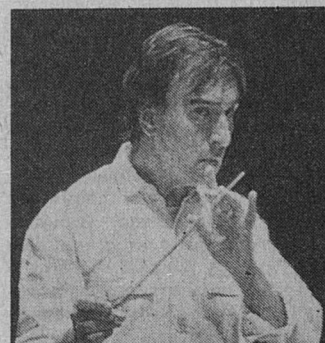
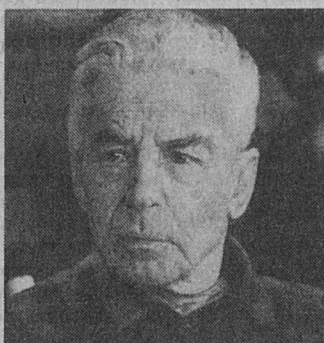
же не удостоив соперника ответом, молча признали право своего оркестра быть первым в городе. Оркестр Караяна никогда не назывался Западноевропейским филармоническим. И теперь уже никогда не будет.

Возможно, это символично, что эра Караяна закончилась лишь несколькими месяцами раньше эры Хонеккера. Символично и то, что приблизительно одновременно со смертью Караяна в здании филармонии от потолка отвалилось несколько кусков штукатурки, что вызвало необходимость провести в следующем году ремонт. Ко времени своей смерти самодержец Караян был так же старомоден, как и любая из фетровых шляп, разгуливавших по ту сторону Бранденбургских ворот. Его музыкальная философия, которая с 60-х годов заключалась в том, чтобы как можно красивее выводить ноты, предоставляя главной музыкальной теме свободу развития, стала казаться потаком своим слабостям и чем-то таким же устаревшим, как здание филармонии.

В начале 80-х годов Караян получил резкий отпор: оркестр отверг подобранную им кандидатуру молодой девушки по имени Собина Мейер, претендовавшей на место соло-кларнетиста. Этот инцидент просигнализировал о конце его непререкаемого авторитета. Его четвертая, и последняя, полная запись симфоний Бетховена бледнеет в сравнении с более ранними вариантами. Он поссорился со своими берлинцами и, как какой-то музыкальный король Лир, убежденный в том, что его дети разлюбили своего отца, сначала запретил им ездить в турне и заниматься звукозаписывающей деятельностью, а потом отправился домой на Герберт-фон-Караян-штрассе в пригороде Зальцбурга Анифе.

Итак, началась новая эра. Недавно 77-летний сэр Георг Солти, один из главных соперников Караяна, стал во главе Зальцбургского пасхального фестиваля и «Пфингстконцерте» («Пятидесятичных концертов»), организация которых была одним из любимых дел Караяна. В следующем году Берлинский оркестр вновь станет организатором Пасхального фестиваля, однако с 1992 года «Пфингстконцерте» попадут под опеку Чикагского симфонического оркестра. Власть уже начинает смещаться.

Задача, стоящая сейчас перед берлинскими музыкантами, — отложить в сторону все обиды прошедшего десятилетия и вместе со своим новым дирижером заняться музыкой. Когда в 1954 году умер Фуртвенглер, Караян получил анонимную телеграмму: «Король умер, — говорилось в ней. — Да здравствует король!». Проблема Аббадо и проблема Берлина в том, что королей больше нет.

Публикацию подготовил
П. ЧЕРНЫШЕВ.

Фото из журнала «Тайм».